

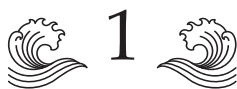
ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Я не позволю.....	5
Глава 2. Ценный козырь	11
Глава 3. Одержимость	18
Глава 4. Достаточно	27
Глава 5. Подстрекательство	37
Глава 6. Книга Живых и Мертвых.....	45
Глава 7. Великое дело.....	52
Глава 8. Не попробуешь — не узнаешь.....	59
Глава 9. Печать.....	65
Глава 10. Былое снежных равнин	73
Глава 11. Великое множество тайн.....	83
Глава 12. Сокровенная жемчужина	97
Глава 13. Это всегда была ты	108
Глава 14. Спор	121
Глава 15. Я на твоей стороне.....	134
Глава 16. Армия лишается главнокомандующего.....	144
Глава 17. Капитуляция	156

Глава 18. Возвращение	168
Глава 19. Смерть	174
Глава 20. Скванная льдом	180
Глава 21. А-Цзи	186
Глава 22. Не оглядывайся назад	195
Глава 23. Сама по себе	202
Глава 24. Возвращение на север	218
Глава 25. Побег из темницы	228
Глава 26. Случайный бродяга	239
Глава 27. Имя спасает жизнь	245
Глава 28. Перемена	254
Глава 29. Испытание	263
Глава 30. На снежной вершине	275
Глава 31. Извержение лавы	282
Глава 32. Беспрецедентная отвага и преданность	289
Глава 33. Не удержать	295
Глава 34. Возвращение давнего друга	302
Глава 35. Власть и могущество	309
Глава 36. Замерзшее море	321
Глава 37. Встреча с незнакомцами	329
Глава 38. Нет	336
Глава 39. Две стороны	343
Глава 40. Отказ от ненависти	352
Глава 41. Куда пожелаешь	363

Глава 42. Испытание	372
Глава 43. Опасность	386
Глава 44. Прошлое	394
Глава 45. Никто не придет на помощь	408
Глава 46. Совсем как раньше	418
Глава 47. Голос ветра	427
Глава 48. Неожиданный поворот	436
Глава 49. Возвращение давней подруги	450
Глава 50. Всегда вместе.....	456
Глава 51. С трепетом в сердце.....	468
Глава 52. Стремление к совершенству.....	477
Глава 53. Через три дня.....	484
Глава 54. Не могу больше ждать.....	490
Глава 55. Свадьба.....	501
Глава 56. Сон.....	509
Глава 57. Лучшая подруга навеки.....	515
Глава 58. Вторжение.....	529
Глава 59. Армия марионеток.....	542
Глава 60. Развязка	553
Глоссарий.....	571

Я НЕ ПОЗВОЛЮ

Далекие горы скрылись во мраке, наступила еще одна безлунная ночь. В жаровне горел огонь, и тихий треск угольков наконец вывел Цзи Юньхэ из забытья, заставив вынырнуть из воспоминаний. Видения прошлого растворились в ее черных зрачках, точь-в-точь как исчезли в ночи недостижимые горные пики.

Девушка устала сидеть на деревянный стол, на котором дымилась пара горячих блюд, затем на маленькую плошку риса в руках. Напротив нее, по другой конец квадратного стола, замер сребровласый мужчина в черном одеянии. Цзи Юньхэ подняла голову и посмотрела на суровую фигуру Чан И. Тот невозмутимо сидел, сложа руки и не произнося ни единого слова. Его синие глаза не отрываясь глядели на пленницу, отслеживая каждое ее движение.

— Доешь, — приказал Чан И, заметив, что Цзи Юньхэ уже давно не двигает палочками.

— Я больше не могу, — беспомощно взмолилась девушка. — У меня нет аппетита. Не принимай близко к сердцу. Будем считать, что я поела.

— Даже не проси.

Прошло шесть лет с тех пор, как они впервые встретились. За это время тритон превратился в тирана, настоящего властолюбивого деспота. Однако... в этом нет его вины.

Цзи Юньхэ вздохнула, смиренно взяла плошку, подцепила палочками два-три зернышка риса и отправила в рот. Только когда она вернулась к еде, Чан И снова умолк. Он не подгонял и не поторапливал. Просто хотел, чтобы пленница не морила себя голодом и ела как следует. Три приема пищи и вдобавок фрукты, овощи и чай. Правда, простые люди встают на рассвете, питаются днем, а на закате отправляются спать, Цзи Юньхэ же поднималась с постели и принималась за завтрак после захода солнца.

Обычно еду приносила служанка. Накрыв на стол, она запирала дверь и уходила. Больше дверь не открывали, пока не наступало время следующей трапезы. Служанка снова доставляла блюда и забирала грязную посуду. Никто не подозревал, что после ее ухода в наглухо запертую комнату бесшумно проникал тритон, которому подчинялся весь Северный край. Он садился напротив Цзи Юньхэ и следил за тем, чтобы она исправно глотала пищу. Если бы в этот раз дерзкая служанка не допустила роковую ошибку, а Чан И, по счастливой случайности оказавшийся рядом, не вышвырнул нахалку из окна, никто бы ничего и не узнал.

Зернышко за зернышком Цзи Юньхэ выбрала из плошки весь рис. Увидев, что посуда почти опустела, непреклонный властелин с манерами божества мрачно подтолкнул к девушке миску с горячим блюдом.

— Ешь.

Ни одного лишнего слова, только сухие приказы.

Цзи Юньхэ действительно не хотела есть. С тех пор как Чан И перенес ее на север и посадил под замок в своей островной усадьбе, она слабела день ото дня. У нее пропал аппетит, жевать тоже удавалось с трудом.

Но Чан И был неумолим. Он не позволял Цзи Юньхэ голодать, пропускать прием пищи, самой выбирать себе еду и отказываться от нелюбимых блюд... Помимо этого, ввел множество разных запретов и правил. Так, Чан И никого не пускал к пленнице, хотя та знала, что Ло Цзиньсан и Цюй Сяосин где-то рядом. Самой Цзи Юньхэ тоже не разрешалось покидать свою комнату на третьем этаже, на двери которой красовался огромный замок. Девушку охраняли строже, чем в темнице Наставника государства. В конце концов Чан И запретил пленнице даже смотреть на солнце: днем окна ее комнаты никогда не открывали, только на заре Цзи Юньхэ могла мельком увидеть лучи рассветного или закатного солнца и полюбоваться пейзажем из заточения.

Чан И вел себя как тиран. Он указывал, что Цзи Юньхэ должна есть и пить, какую одежду носить, где жить, лишил ее свободы передвижения. Казалось, он злился при мысли, что не в силах управлять еще и дыханием пленницы. Тритон полностью распорядился жизнью девушки. Но хуже всего было то, что Чан И не давал ей умереть...

Окажись нить времени, отпущенного Цзи Юньхэ, в руках самого Небесного владыки — Чан И отрубил бы ему пальцы один за другим.

«Я хочу заставить тебя страдать, Цзи Юньхэ, поэтому ты должна жить», — так он сказал. Девушка вспомнила слова своего тюремщика и едва заметно улыбнулась. До чего же наивен этот тритон! Разве это мучение — смотреть по ночам на его лицо и вкушать пищу у него на глазах? Это скорее напоминало попытку скрасить остаток ее никчемной жизни.

Но Цзи Юньхэ не соглашалась довольствоваться малым.

— Чан И, а если... Отпусти меня на один только день, я вернусь и послушно просижу под замком весь следующий. Если отпустишь на два дня, то вернусь и столько же времени послушно проведу в этой комнате, не сказав ни слова против. А если подаришь месяц свободы, я готова покориться на целый месяц и сметать все до последней крошки...

— Нет. — Чан И посмотрел на тарелку. — Доeday.

Цзи Юньхэ вздохнула и смиренно взяла последний кусочек капусты.

Зимой на севере, тем более во времена военной смуты, раздобыть свежие овощи было не просто. Цзи Юньхэ знала об этом, но не задавала вопросов. Она просто открыла рот и проглотила кусочек. Как назло, именно он взбудоражил ее желудок. Цзи Юньхэ изменилась в лице, горло сжалось от внезапного спазма, дыхание перехватило. Девушка быстро склонилась к ведру для полива цветов, и ее желудок словно вывернуло наизнанку. Рвота не прекращалась, за остатками

пищи последовали потоки кислой слюны. Потом Цзи Юньхэ почувствовала острую боль в животе, и рот наполнился угольно-черной кровью. Когда та хлынула в ведро, в голове помутилось. Цзи Юньхэ рухнула на колени, дрожа всем телом и обливаясь холодным потом. Одежда промокла насквозь, как будто побывала в воде.

Внезапно чья-то рука легла Цзи Юньхэ на спину. От ладони веяло прохладой, которая несла успокоение и сдерживала кровь, бурлившую в хрупком теле. Резь в животе постепенно утихла, пот прекратил струиться по лбу и спине. Цзи Юньхэ пришла в себя, в глазах прояснилось. Она слегка повернула голову и увидела, что Чан И сидит рядом на корточках. Тритон больше не был несчастным узником в плену у покорителей демонов. Суровый деспот держал в повиновении северные земли и командовал армией, которая успешно сопротивлялась войскам великой империи Чэнь. Он пользовался почетом и уважением, перед ним трепетали и преклонялись. Тем не менее тот самый Чан И сидел на корточках подле распростертой на полу Цзи Юньхэ.

Девушка мысленно вернулась на шесть лет назад в подземелье долины Покорителей Демонов. Глаза тритона были чистыми и прозрачными, а сердце — нежным и искренним, совсем как раньше. Чан И так и не выучился искусству ненавидеть и обдумывать каждый шаг с расчетом на собственную выгоду. Он был по-прежнему готов принять удар на себя, чтобы спасти Цзи Юньхэ.

— Чан И, я... долго не проживу, — прохрипела Цзи Юньхэ, глядя на тритона.

Рука на спине надавила сильнее, и поток энергии хлынул в ее тело еще быстрее. Цзи Юньхэ почувствовала, что может говорить.

— Позволь мне уйти...

— Нет.

— Я не хочу напрасно расходовать время, которое мне отпущено. Хочу повидать мир. Если повезет, смогу вернуться в родные края, прильнуть к своим корням...

— Нет. Нельзя.

— Я докажу себе, что родители не зря подарили мне эту жизнь...

Похоже, они говорили на разных языках. Почти как курица с уткой. Цзи Юньхэ в изнеможении откинулась назад.

Девушка была легкой как перышко. Чан И поднял ее на руки без малейших усилий, лишь пара белоснежных прядей разметалась по сторонам. Цзи Юньхэ сомкнула веки, а глаза тритона скрыла волна серебристых волос, сквозь которую проглядывали сжатые губы. В комнате воцарилось долгое молчание.

За окном кружили крупные хлопья снега, мертвая ночная тишина наводила ужас. Чан И крепко стиснул тонкие, почти лишенные плоти руки девушки и с трудом произнес:

— Я не позволю.

Снежинки подхватили его слова, унесли далеко-далеко и уронили в безмолвный глубокий снег, где те исчезли без следа.

ЦЕННЫЙ КОЗЫРЬ

Когда Цзи Юньхэ проснулась, на дворе по-прежнему стояла темная ночь. В углу комнаты мерцало пламя свечи, в жаровне потрескивал отменный уголь, а за окном бушевала метель, издавая протяжный вой, хорошо знакомый жителям севера. Неизвестно, сколько жизней готовилась унести на тот свет лютая стужа морозной ночи. Однако нынче, в эпоху жестокой военной смуты, смерть от холода скорее дарила облегчение и освобождала от невыносимых жизненных тягот.

Цзи Юньхэ приподнялась в своей постели. Мужчина в черных одеждах, сидевший за столом при свече, бросил на нее быстрый взгляд исподлобья. Девушка была бледна и опиралась на руки, ужасавшие худобой, не менее жутко смотрелись мелкие косточки и вены, выступавшие на тыльной стороне ее ладоней. Чан И крепче сжал в руке письмо и погрузился в чтение, больше не обращая внимания на пленницу.

Цзи Юньхэ, напротив, не отвела взгляда, с любопытством наблюдая за тритоном.

— Что ты читаешь? — не выдержала она.

Рука Чан И загоразживала часть текста, но Цзи Юньхэ все равно смогла разобрать слова «резиденция Наставника государства» и «птица Луань».

Зеленокрылая птица Луань объявилась в северных землях спустя месяц с небольшим после побега из долины Покорителей Демонов. Она нанесла сокрушительное поражение принцессе Шуньдэ, едва не лишив сестру императора жизни. Наставник государства поспешил на север и вступил в битву с могучей птицей. Больше десяти дней длилось сражение, что развернулось в окружении суровых заснеженных гор и рек. Тем временем Чан И в одиночку ворвался во дворец Наставника государства, похитил Цзи Юньхэ, убил принцессу Шуньдэ, сжег все дотла, а потом... Цзи Юньхэ не знала, что произошло потом.

С тех пор она томила в заперти на острове посреди озера и видела только слуг, что изредка подметали двор, да Цзян Вэйянь, которую Чан И недавно вышвырнул из окна. Еще Цзи Юньхэ видела самого Чан И... Но ни он, ни слуги ничего ей не рассказывали.

Когда Цзи Юньхэ заметила на листе бумаги знакомые слова, ей показалось, что она еще как-то связана с внешним миром. Поэтому девушка принялась с интересом расспрашивать:

— Ты вломился во дворец Наставника государства, да к тому же лишил жизни принцессу Шуньдэ... Я неплохо знаю его нрав: он не останется в стороне и не спустит подобное с рук. Должно быть, доставил тебе много неприятностей?

Чан И слегка повернул голову и бросил косой взгляд на Цзи Юньхэ.

— Неплохо знаешь Наставника государства, значит... — Лицо тритона источало холод, а голос

звучал неприязненно. — И как же, по-твоему, он может мне навредить?

Встречный вопрос застал Цзи Юньхэ врасплох. Девушка полагала, что Чан И либо пропустит замечание мимо ушей, либо сурово отрежет, что это ее не касается. Однако тритон подошел к делу с неожиданной стороны. Поэтому она не сразу нашлась что сказать.

— Он... — задумалась Цзи Юньхэ и снова спросила: — Он вообще ничего не сделал?

Чан И отвернулся и поднес письмо к огню свечи. Его тонкие длинные пальцы держали бумажный лист, пока пламя едва не коснулось их кончиков. Тогда Чан И отпустил уголок и развеял пепел взмахом рукава. Затем поднялся на ноги, и разговор принял знакомый и предсказуемый оборот:

— Это тебя не касается.

Цзи Юньхэ кивнула и обиженно надула губы. Ну конечно, ничего нового она не услышит. Глядя в спину Чан И, который собрался уходить, она осведомилась:

— А что в этом мире меня касается?

Чан И замер, но так и не ответил.

— Будешь держать меня взаперти даже после моей смерти? — не унималась Цзи Юньхэ. Она перевела взгляд на исхудавшие бледные пальцы. — Ты знаешь, о чем я мечтаю и что ненавижу, поэтому заточил меня в четырех стенах, чтобы наказать. Хотел, чтобы я страдала и потеряла надежду...

Тритон молча слушал, не смотря на девушку и не уходя.

— И ты добился своего, — признала Цзи Юньхэ.

Тут он обернулся. В его глазах цвета синего льда не отразилось ни тени волнения.

— Очень хорошо. — С этими словами тритон покинул комнату так же тихо, как вошел.

Угли в жаровне полыхали без устали. Цзи Юньхэ откинула одеяло и встала с кровати. Подойдя к окну, она толкнула створку, и в комнату со свистом влетел, грубо ударив в лицо, снежный ветер. Ледяные порывы пронзали насквозь, словно пытаясь содрать с лица девушки последний слой истончившейся кожи. Цзи Юньхэ немного постояла на ветру, ожидая, пока рассеется жар, охвативший все тело, захлопнула окно, села за туалетный столик и уставилась в зеркало.

— Я, конечно, перед ним виновата, но это уже чересчур, — сказала она и провела рукой по щеке.

Печать крайнего истощения и усталости на ее лице сразу бросалась в глаза. Девушка вздохнула:

— Умолять Чан И бесполезно. Я сижу под замком, света белого не вижу, мое тело слабеет, аппетит пропал, меня тошнит кровью... Это невыносимо.

Цзи Юньхэ раскрыла ладонь, призывая силу, сокрытую в ее теле. С кончика указательного пальца сорвался виток черной дымки, которая давно не давала о себе знать. Пульсируя, дымка прибывала, она дрожала и трепыхалась, то сбиваясь в сгустки, то растворяясь в воздухе. Глаза Цзи Юньхэ слегка оживились.

— Мне осталось всего несколько дней. Почему бы не повеселиться напоследок?

После этих слов на кончике ее пальца вспыхнула искра черного пламени.

Тем временем далеко на юге, на другом краю заснеженных земель, столицу великой империи Чэнь заливал лунный свет. В городе действовал комендантский час и царила тишина. Снега не выпало, однако стоял сильный холод.

В личных покоях Наставника государства на кровати под балдахин из многих слоев белоснежной кисеи лежала женщина в красных одеждах. Ее тяжелое дыхание тут же обращалось в пар. Левая нога, обе руки, шея и лицо женщины были перевязаны, из-под белых бинтов виднелись только рот, нос и один глаз. Ее взгляд не отрывался от светильника подле кровати. Она пристально смотрела на пламя свечи, и облака белого пара вырывались из ее рта все чаще: несчастную переполнял ужас.

Ее грудь резко вздымалась и опускалась, но женщина не чувствовала ни рук, ни ног и не могла шевельнуть даже пальцем. Она дышала с трудом, издавая неясные всхлипы. Крошечный огонек свечи напоминал чудовищное пламя, которое опалило ей горло, вскипятило кровь и обуглило кожу. Как она ни рыдала, слезы не могли затушить мнимый пожар. Кожу вновь обожгла острая боль, от которой сжималось сердце и мутилось сознание.